

УДР / 1

Мартъ (Mars).

1903 г.

Сибирскій НАБЛЮДАТЕЛЬ.

L'OBSERVATEUR SIBÉRIEN.

(ВЫХОДИТЬ ДВѢНАДЦАТЬ РАЗЪ ВЪ ГОДЪ)

Книга 3.

ТОМСКЪ.

Паровая типо-лит. П. И. Макушина, Благовѣщ. г., соб. д.

1903

Киргизы.

(Очеркъ общественно-экономической жизни киргизъ).

До времени окончательнаго замиренія киргизскихъ степей русскими киргизы жили сплоченными родовыми группами и главнымъ ихъ занятіемъ было скотоводство. Всѣ данныя говорятъ за то, что въ указанное время вся киргизская народная масса отличалась не только зажиточностью, но, съ точки зрѣнія кочевниковъ, даже, пожалуй, богатствомъ. Нападенія на русскія, пограничныя со степью селенія и на аулы другихъ народцевъ степи, угоны табуновъ лошадей и барановъ, захваченные въ плѣнъ невольники,—вообще—грабежъ и разбой, являшіеся своеобразнымъ подсобнымъ промысломъ, а главнымъ образомъ—широко развитое скотоводство—обставляли жизнь барантующимъ

щих *) сыновъ степи всякимъ довольствомъ, доступнымъ для стоящаго на низкой ступени культуры номада **). Пауперизмъ какъ въ это время, такъ и въ первое время послѣ замирения степи среди киргизской массы былъ почти совершенно неизвѣстнымъ явленіемъ. Но когда киргизы были усмирены и приведены въ подданство Россіи, когда нападениемъ и грабежамъ цѣлыми родами пришлось отойти въ область преданій и когда даже легкая баранта сдѣлалась рѣдкимъ, по сравненію съ прежнимъ, явленіемъ, киргизамъ не оставалось ничего иного, какъ предаваться исключительно мирнымъ занятіямъ, приобщаясь къ русской культурѣ, что должно было рано или поздно неминуемо совершиться. Разбой и грабежи прекратились, и воинственные дѣти степей стали заниматься своимъ излюбленнымъ скотоводствомъ, которое давало имъ право на существованіе и которое съ избыткомъ вознаграждало ихъ за тѣ минусы въ хозяйствѣ, которые явились вслѣдствіе отсутствія нелегальныхъ доходовъ. Громадныя степныя пространства, покрытыя травой и удобныя для пастбищъ, позволяли водить много скота, а родовая организація поддерживала сородичей, имѣвшихъ несчастье по той или иной причинѣ лишиться скота. Угнали ли у киргиза барантчи его табунъ, лишился ли онъ его вслѣдствіе джута ***), онъ не обрекался на голодную смерть, потому что для него всегда находился кумысъ и кусокъ баранины или конины у сородичей. Онъ не выкидывался изъ рода, не вычеркивался изъ числа степняковъ, — напротивъ, его старались поддержать, давали возможность опериться вновь, вновь стать скотоводомъ, добывающимъ себѣ пропитаніе отъ своихъ стадъ.

Изъ сказаннаго мы видимъ, какова была картина экономической, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общественной жизни киргизъ въ ихъ доброе старое время, когда они еще мало соприкасались съ русской культурой, когда колонизація степи шла вяло.

Въ это время киргизы жили, вообще, зажиточно и рѣзкихъ противоположностей по имущественному положенію между от-

*) Баранта — разбой, соединенный непременно съ угономъ скота; барантовать — угонять скотъ.

**) См. объ этомъ „Къ вопросу о невольникахъ, рабахъ и тюленгутахъ въ киргизской степи“, ст. Забнина въ „Памяти. книжкѣ Семипал. обл.“ на 1902 г., а также Левшина „Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей“, т. II, стр. 127.

***) Джуть — падежъ скота отъ безкормицы во время гололедицы.

дѣльными хозяйственными единицами замѣтно не было. Народъ представлялъ изъ себя въ хозяйственно-экономическомъ отношеніи однообразную массу, безъ замѣтно выраженнаго дѣленія на имущественные классы — богатыхъ и бѣдныхъ. О классѣ пролетаріевъ въ это время не могло быть и рѣчи, такъ какъ на рожденію его препятствовала самая структура киргизскаго общества (если можно такъ выразиться), держащаяся на родовомъ началѣ.

Всѣ старые изслѣдователи киргизской жизни, напр., Левшинъ и Завалишинъ, — единогласно подтверждаютъ это и свидѣтельствуютъ объ имущественномъ достаткѣ кочующихъ дѣтей степи. Киргизы, по словамъ указанныхъ изслѣдователей, по своему были богаты и довольны. „Стада овецъ, — говоритъ Левшинъ, — изумляютъ здѣсь (т. е. въ степяхъ) многочисленностью своею. Едва ли есть гдѣ нибудь въ мірѣ такая страна, въ которой видно было ихъ болѣе. Богатѣйшіе изъ киргизъ имѣютъ оныхъ тысячъ по двадцати“ *) Отмѣчая зажиточность и богатство киргизъ, названные авторы не даютъ намъ картинъ той бѣдности, нищеты многихъ киргизъ, которыми пестрятъ описанія современныхъ намъ изслѣдователей киргизской степи.

Но времена всеобщей обезпеченности киргизъ прошли. Родовые устои, на когорыхъ зиждилось благосостояніе всей киргизской народной массы, съ теченіемъ времени, при соприкосновеніи съ болѣе высокой русской культурой, съ паденіемъ исключительно натурального хозяйства и вторженіемъ въ степь денегъ, — расшатывались, а теперь уже утратили всякое значеніе въ киргизской жизни. Современные изслѣдователи родовую организацію у киргизъ отмѣчаютъ только въ видѣ рѣдкихъ пережитковъ, констатируютъ, что современное „киргизское хозяйство внутри аула отличается рѣзкимъ индивидуализмомъ“ **), что вмѣсто прежней родовой борьбы на сцену въ степи выступаетъ „антагонизмъ богатыхъ и бѣдныхъ“.

Однимъ изъ самыхъ видныхъ факторовъ, положившихъ начало экономической революціи среди дѣтей степи, несомнѣнно,

*) А. Левшинъ. „Описание киргизъ кайсацкихъ ордъ и степей“. СПб, 1832 г., стр. 116.

**) Н. Коншинъ „Очеркъ экономического быта киргизъ Семипалатинской области“, статья „Пам. книжки Семип. обл. на 1901 г.“, стр. 158.

нужно считать колонизацию, которая, при самомъ экстенсивномъ луговомъ хозяйствѣ киргизъ и вообще при ихъ низкой культурѣ, создавала такъ называемое относительное перенаселеніе и несомнѣнно отозвалось и на скотоводствѣ и на взаимныхъ отношеніяхъ скотоводовъ-хозяевъ *). Эту мысль высказываютъ многіе изъ мѣстныхъ изслѣдователей, внимательно присматривавшихся къ киргизскому хозяйству. Въ статистическомъ обзорѣ Акмолинской области за 1893 годъ говорится, что „главнѣйшей причиной упадка степного скотоводства служатъ измѣнившіяся условія киргизскаго быта. Въ прежнее время киргизы были единственными владѣльцами степей и въ широкомъ привольи ихъ могли беспрепятственно ходить и останавливаться тамъ, гдѣ только находился для скота лучшій подножный кормъ. Въ настоящее же время съ увеличеніемъ населенія просторъ степей съ каждымъ годомъ ограничивается все болѣе и болѣе, **) слѣдовательно—пастбищная территория сокращается, и это, несомнѣнно, дурно отзывается на скотоводствѣ и взаимныхъ отношеніяхъ владѣльцевъ скота.

Набросаемъ въ общихъ чертахъ картинку колонизаціи киргизской степи русскими и... захвата киргизской земли, приведшихъ въ настоящее время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ полному обезземленію мѣстнаго населенія—киргизъ.

Въ 1765 году, когда киргизская степь была еще далеко не мирной и когда въ ней то тамъ, то сямъ вспыхивали возстанія противъ русскихъ, сопровождавшіяся набѣгами, въ видахъ огражденія казачьихъ селеній, находящихся на линіи по правому берегу р. Иртыша, отъ набѣговъ киргизъ была установлена по лѣвому берегу рѣки, по ея верхнему теченію до Омска, такъ называемая, „десятиверстная полоса“, въ предѣлы которой кочевникамъ входило строго воспрещено, но которая въ тоже время не была отдана въ пользованіе казакамъ. Полоса эга, представляющая изъ себя заливные луга, сразу вырѣзала изъ киргиз-

*) Относительное перенаселеніе обусловливается недостаточной интенсивностью производства или же скопленіемъ земельной собственности въ рукахъ немногихъ лицъ. См. статью „Колонизація“ въ жур. стоварѣ Брокгауза

**) Цитирую по брошюрѣ Н. Кошова „Краткій статистическій очеркъ промышленности и торговли въ Акмолинской области за 1880—1894 г.г. Омскъ, 1896 г., стр. 17—18.

скихъ владѣній громаднѣй и очень важный для скотоводческаго хозяйства районъ. Въ 1839 г. десятиверстная полоса, въ виду споровъ казаковъ съ киргизами, была отграничена отъ степи, но съ теченіемъ времени межевые знаки, поставленные къ тому же только противъ селеній, утратились и „казачье населеніе (самовольно начавшее эксплуатировать эту „нейтральную“ полосу) во многихъ мѣстахъ перешло въ своемъ пользованіи за пограничную черту на 20, на 30 и болѣе верстъ* *). Не смотря на то, что на произвольный захватъ киргизской земли указывалось и въ литературѣ и было подано много жалобъ со стороны самихъ утѣжняемыхъ киргизъ, дѣло это до сихъ поръ остается *in statu quo*, т. е. граница десятиверстнаго пространства, превратившагося во многихъ мѣстахъ „въ 20—30 и болѣе верстную полосу, до сихъ поръ остается въ рукахъ казачьяго войска“, которое „болѣе 40 лѣтъ пользуется всѣмъ этимъ пространствомъ, извлекая выгоды отдачею въ аренду земель киргизамъ, у которыхъ таковыя захвачены“ **).

Экспроприация киргизскихъ земель не ограничилась одной десятиверстной полосой. Въ 20-хъ и 30-хъ годахъ минувшаго столѣтія были основаны казачьи поселенія въ глубинѣ киргизской степи—Баянъ-Аульское, Каракаралинское, Акиолинское и др. Въ 1831 г. были образованы казачьи поселенія въ Семирѣчьи. Въ 1849 г. въ Кокчетавскій уѣздъ было водворено масса переселенцевъ изъ разныхъ губерній Россіи, которые были зачислены въ казаки и образовали наиболѣе богатые станицы и поселки въ войскѣ, таковы, напр., Котуркульская, Щучинская, Аканбурлукская, Лобановская, Арыкбалыкская и т. д. Въ концѣ семидесятихъ годовъ начинаютъ вселяться и въ Семирѣчье и въ Кокчетавскій и Атбасарскій уѣзды переселенцы крестьяне ***).

Само собою разумѣется, что разъ въ степи основывались русскія селенія, населеніе ихъ необходимо было обезпечить средствами къ существованію, однимъ изъ каковыхъ, въ особенности для земледѣльческаго населенія, является земля. И земля, конечно,

*) * * * „Изъ сибирскихъ впечатлѣній“, статья въ сборникѣ „Русскій Туркестанъ“. Ташкентъ, 1899 г., стр. 42.

*) Ibidem, стр. 43.

**) Ibidem, стр. 46 и 55.

отводилась и казакамъ и переселенцамъ-крестьянамъ. Указомъ сената 20 декабря 1857 г. предоставлялось надѣльной земли по 30 десятинъ на наличную мужскую душу, причемъ былъ предусмотрѣнъ и запасъ земель, рассчитанный на приростъ населенія до $\frac{1}{3}$ его наличнаго состава. По этому закону и на основаніи положенія 9 июня 1877 г. территорія сибирскихъ казачьихъ войскъ опредѣлялась въ 50,001,751 $\frac{1}{2}$ дес., что составляло въ среднемъ по 88 десятинъ на наличную мужскую душу, причемъ минимумъ былъ 42 дес. въ Кокчетавскомъ уѣздѣ и максимумъ въ Каркаралинскомъ уѣздѣ 294 десятины *) Что касается семирѣчинскихъ казаковъ, то и они получили громадныя пространства — „фактически получили мѣстами въ 10 разъ больше, чѣмъ полагалось по закону“ **); въ среднемъ получили на мужскую душу по 78 $\frac{1}{2}$ десят. ***) Еще въ концѣ семидесятыхъ годовъ Зеландъ, затрогивая вопросъ, отчего киргизы бѣдны, говорилъ про Семирѣчье, что одной изъ причинъ бѣдности киргизъ въ данномъ районѣ является то, что „ихъ дѣйствительно нѣсколько стѣснили переселенцы и казаки, которымъ дали обширныя участки“ †). Путешествовавшій въ началѣ 80-хъ годовъ къ озеру Балкашу и въ Семирѣчье, А. М. Никольскій въ своемъ дневникѣ тоже отмѣчаетъ, что „русскіе хотя слабо, но вытѣсняють кочевниковъ киргизъ †*)“. Въ Семирѣчьи по даннымъ 1881 г. русскихъ селеній было около 60 съ 40,000 жителей, а согласно послѣдней переписи русскихъ всего было въ области 98,404 чел. †**)

Цитируемая нами статья изъ сборника „Русскаго Туркестана“ не однажды отмѣчаетъ, что при водвореніи въ степи русскихъ для нихъ отводились самыя лучшія земли, не рѣдко занятыя киргизскими зимовками или ихъ лѣтовочными стойбищами. Съ киргизами не стѣснялись, заставляя ихъ уходить съ насиженныхъ мѣстъ и на ихъ пепелищѣ разбивали русскія, въ боль-

*) Ibidem, стр. 41

**) Ibidem, стр. 57

***) Ibidem, стр. 57

†) Зеландъ „Киргизы“, ст. въ „Запискахъ Зап.-Сиб. Отд. Импер. Русск. Геогр. Общества“ кн. VII, вып. II, стр. 25.

†*) А. М. Никольскій „Путешествіе на оз. Балкашъ и въ Семирѣчинскую обл.“, ст. въ „Зап. Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ.“, кн. VII, вып. I, стр. 65.

†**) „Изъ Сибирскихъ впечатлѣній“, стр. 55.

шинствѣ—казацье селеніе *). Въ довершеніе всего въ Семирѣчьи казаки захватили земли такимъ образомъ, что оставшіяся за одними и тѣми-же киргизами угодыя были отдѣлены другъ отъ друга казачьями землями, а также, „казаки захватили въ свои руки рѣчки и стали распоряжаться орошеніемъ края въ такой мѣрѣ, что, пуская или запирая воду въ киргизскихъ арыкахъ, идущихъ на земли, расположенныя ниже казачьихъ, они могли допустить или уничтожить совсѣмъ урожай на киргизскихъ посѣвахъ **).

(До слѣдующей книжки).

В. К. Никольскій.

Изъ дневника.

(Съ болгарскаго).

Чую горе я народное, —
 Горе сердцемъ я постигъ;
 Но, вѣдь, сердце—несвободное, —
 Не сорвать съ него веригъ.
 Я возросъ въ средѣ радѣтелей
 Благъ и почестей земныхъ,
 Для народа „благодѣтелей“, —
 Какъ тогда всѣ звали ихъ.

 И, колеблясь словно вѣточка,
 Я рвался напрасно въ даль
 Такъ была роскошна клѣточка,
 Чю ее мнѣ было жаль.
 Хотъ въ умѣ я цѣль позорную
 Проклиналъ и порывалъ;
 Но мнѣ пѣла жизнь покорную
 Пѣсню—и я ей внималъ:

*, Ibidem, стр 46, 56 и 58.

***) „Проектъ всеподданнѣйшаго отчета К П фонъ Кауфмана по гражданскому управленію и устройству въ областяхъ Туркестанскаго генераль-губернаторства“ стр 152.